

НИК ПЕРУМОВ

ПАМЯТЬ ПЛАМЕНИ

КНИГА 1
Гибель Богов 2

Ник Перумов
Память пламени
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Гибель богов – 2», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947475
ISBN 978-5-222-37413-9

Аннотация

Война за Эвиал и Мельин завершилась. Новые Боги Упорядоченного Хедин и Ракот удерживают в равновесии всю Вселенную. Клара Хюммель счастлива со Сфайратом. Но мирной жизни быстро наступает конец: в их мире появляется высший вампир Ан-Авагар, а граница с Неназываемым постепенно отодвигается к обитаемым мирам. Тем временем юный Матфей Исидорти делает первые шаги к могуществу...

Содержание

От автора	4
Зачин	6
Пролог	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ник Перумов

Память пламени

От автора

Эту книгу я начал писать много лет назад и с тех пор множество раз переписывал. Судьба Новых Богов, Хедина и Ракота, добившихся победы над былыми владыками Вселенной, Молодыми Богами – Ямертом и его роднёй, прослеживалась и в книгах цикла «Хранитель мечей», однако конфликт остался неразрешённым.

В «Гибели Богов – 2» очень много сюжетных линий и персонажей. Я не раз обещал своим читателям, что постараюсь показать завершение многих историй, начатых в более ранних книгах. Однако, когда имеешь дело с историей такой сложности и такого масштаба, нельзя ожидать, что в рамках «первого тома» будет сказано «всё и о всех». Состав действующих лиц будет меняться от книги к книге, в соответствии с развитием сюжета. А кто же есть, спросите вы тогда?

Есть наша старая знакомая Клара Хюммель и её муж, дракон Сфайрат. Есть крылатая воительница Гелерра, есть её соратники – гномы Арбаз и Креггер, тёмный эльф Ульвейн и другие, упомянутые среди подмастерьев великого Хедина.

Есть, конечно же, сам Познавший Тьму, есть Сигрлинн,

вырвавшаяся из плена в конце «Войны мага», есть неистовый Ракот. Есть и новые лица, такие как молодой клирик Матфей Исидорти, помощник отца-библиотекаря в монастыре Сил Святых.

Меня часто спрашивали, не опишу ли я события от лица Молодых Богов, Новых Магов или, к примеру, кого-то из апостолов Спасителя. Отвечу так: всё возможно, но не в этом томе.

А теперь – в путь.

Зачин

Ветер гонит сплошное, без разрывов стадо серых медлительных туч. Им нет ни конца, ни края, от окоёма и до окоёма нет ничего, кроме лишь серо-стальной пелены. Лишь кое-где над серым морем вздымаются иссиня-чёрные пики. Они наги, ни снега, ни льда, словно неведомая сила препятствует исполнению всевечных природных законов.

В серой мгле, что царит над слоем непроглядных туч, едва различимо дневное светило. Его лучи бессильно тонут в заткавшей всё пространство пелене, и неведомо даже, есть ли что-то там, внизу, под облаками.

Но вот что-то дрогнуло, заколебалось, взволновалось в сплошных волнах бесцветного моря; мгла заклубилась, взвихряясь, расступаясь перед неким существом, поднимающимся по склону чёрного пика. Блеснуло тусклое золото – единственный живой цвет в серо-агатовом царстве.

Исполинский золотой дракон медленными извивами взбирается по голому камню. Сейчас он напоминает скорее громадного змея, чем сказочное крылатое существо, и непонятно даже, есть ли у него вообще крылья. Из широких ноздрей вырываются струйки пара, поблескивает мокрая чешуя.

Он достигает вершины, обвивает чёрный пик золотыми кольцами и замирает, вскинув устрашающего вида голову. Пасть распахнута, но не раздаётся ни звука. Зов – если он и

звучит – недоступен слуху смертных или бессмертных.

Ответ не заставляет себя ждать. Под ударами могучих крыльев расступается, разлетается в стороны серая мгла, в просторах неба возникает силуэт громадного орла, каких нет и никогда не может существовать в природе, никакие мышцы не поднимут в воздух такого исполина.

Орёл снежно-бел. Каждый взмах его крыльев, неторопливый с виду, покрывает поприща. Он спешит на зов золотого дракона, обвинившего вершину мёртвой горы.

Чёрное, золотое, серое и белое.

Две сущности, два Столпа замирают друг против друга. Орёл не садится, он висит в воздухе, крылья вздымаются и опускаются, коричневые глаза не отпускают взгляд золотого дракона.

Меж ними идёт разговор без слов и звуков. И если бы мы, смертные, смогли робко выглянуть из-за кулис, тщась ухватить хотя бы отрывки беседы великих, то, наверное, мы уловили бы вот что:

– Вспыхивают и гаснут солнца. Рождаются и умирают звёзды, чтобы, сбросив в огне прежнее обличье, дать начало новому. Вихри межмирового пламени несут смерть морям и равнинам, лесам и лугам в равной степени. Мёртвые пространства остаются таковыми бессчётные годы, пока великие мельницы сущего не смеют плоть отжившего мира, раздробив на мельчайшие атомы, что дадут начало новым мирам и звёздам. Нет в этом места ни жалости, ни состраданию, лишь

голая, ничем не прикрытая необходимость.

– Но равновесие нарушено. Замедляются и застывают великие жернова, останавливаются зубчатые колёса и передачи. Незримые машины небес и подземелий, равно скрытые от смертных и бессмертных, перестают работать.

– Слишком глубоко проник в Упорядоченное Неназываемый. Он остановлен, но не отброшен. И волны расходятся всё дальше и дальше.

– Слишком многие также охотятся за человеческими душами, залогом возрождения и обновления. Спаситель встанет на пути идущих к великому Орлу, и что случится, когда Он...

На спине золотого дракона разъярённо вздымается чешуйчатый гребень. Орёл гневно щёлкает клювом.

– Но что может помочь? Что оживит потоки магии, что придёт на подмогу тем, кто стоит насмерть, защищая существующее?

Отвечают оба, вместе, не глядя друг на друга:

– Кровь.

* * *

Шаги отдаются гулким эхом, раскатываются под красно-кирпичными сводами, звуки разбегаются, словно в панике от его приближения. Хозяин замка идёт по сумрачным галереям, где в нишах вместо статуй застыли чучела диких животных.

ных многоногих созданий. Сохранённые изошрённой магией, тела кажутся живыми, только погружёнными в глубокий сон. Устрашающего вида когти, клыки и жвала словно готовы вот-вот прийти в движение, пробудиться к жизни. Если долго всматриваться в раскрытые глаза чудовищ, рано или поздно начнёт казаться, что зрачки то расширяются, то вновь сжимаются. Пристальный взор заметит едва ощутимую дрожь кожистых век, мельчайшие подвижки чешуйчатой брони. Твари на самом деле кажутся погружёнными в странное оцепенение – но кто, зачем и почему сделал это?

Шаги удаляются. Стихает их отзвук, и воцаряется злоеющая тишина, лишь изредка нарушаемая какими-то странными звуками – едва слышным взбулькиванием, клокотанием, пощёлкиванием, скрипом, – словно чудовища ворочаются во сне, пытаясь разорвать невидимые цепи магии, что держат их крепче любых решёток и привязей.

Хозяин замка выходит во двор, пересекает его, ступая по пыльным каменным плитам. Двор пуст, нигде ни одной живой души. Впрочем, мёртвых душ тут не видно тоже, чучела остались внутри. Ворота, не сделанные, не выкованные, являют собой две громадные каменные плиты, поставленные стоймя, – и сейчас они настезь распахнуты. Поднята опускаемая решётка. Ржавчина покрыла цепи, барабаны и лебёдки подъёмного моста. Ров вокруг стен обмелел, оплыл, зарос мясистой осокой, тростником, кувшинками. Изредка рассекают воду, подняв над поверхностью треугольные головы,

мирные водяные ужи, охотящиеся за лягушками.

Замок плывёт над мирами. Простирается вниз бездна, где-то там, «внизу», – реальность и межреальность, пространство и время, хрустальные сферы светил и потоки магических энергий, где-то там вьётся, извивается Великая Река Времени, где ведут вечную свою игру Драконы. Замок – над ними. Когда-то он был крепостью древних чародеев, ушедших Поколений Истинных Магов, и неведомо сколько веков простоял пустым. В нём оставались лишь чудища, безмолвные стражи пустой могилы.

Его новый хозяин задумчиво стоит у самого края провала. Островок, на котором воздвигнута крепость, песчинка в огромном просторе аэра, плывёт над переливающимися облаками, ежесекундно меняющими форму.

Над головой – крошечный кусочек неба. Настоящего неба, голубого, с двумя солнцами. Огненно-красным и ослепительно-золотым. Тучки пробегают от края до края небосклона, отталкиваются от ясно видимого окоёма, отлетают обратно в середину. Небо раскрыто, словно зонтик. Оно только над замком, над его шпилями и черепичной крышей.

Хозяин замка стоит над бездной. Руки упёрты в широкий пояс драконьей кожи. Тянутся секунды, расплавленное время течёт горячей лавой; где-то гибнут миры, где-то рождаются новые звёзды; Хозяин стоит. Он знает, что в угрюмых заводях Великой Реки, куда не решаются заплывать даже неугомонные Драконы Времени, его мгновения обернут-

ся днями или даже неделями; и он знает, что мешкать больше нельзя.

«Пора», – шепчет ветер над острыми шпильями. «Пора», – поднимаются из бездны к нему бессчётные голоса, голоса тех, кому суждено жить и умереть, чья жизнь – лишь краткая вспышка неяркого огня в густом мраке Вечности. «Пора», – слышит он бесплотные слова тех, с кем когда-то дружил и враждовал, с кем, бывало, сживал за пиршественными столами и сходилась грудь на грудь в сражениях – пока не стал тем, кто есть сейчас.

Пора, пора, пора. Грудь сжимает яростный восторг, восторг долгожданного боя. Время пришло. Всё сейчас благоприятствует успеху.

Он медлит ещё одно краткое, неразличимое мгновение, впитывая в себя остающийся позади замок, и его сумрачных обитателей, и облака над головой – всё, что он оставляет за спиной, – и одним духом, словно ныряльщик с утёса, бросается в бездну.

Мир, Астрал, Межреальность. Упорядоченное послушно расступается перед ним. И тело исчезает, чтобы миг спустя появиться в невообразимых провалах Сущего, там, где вновь вскипает кровавая пена боя, чтобы опять, в который уже раз, под чужую личиной, сойтись грудь на грудь. Задержать хоть на миг наступление того момента, который, хозяин знал, непременно наступит. Но пока мы живы – мы будем надеяться, что победим смерть. Иначе мы не можем жить.

Мы, смертные.

То же самое относится и к Богам. Если, конечно, это Настоящие Боги – в чём кое-кто может и усомниться.

Будет кровь.

Кровь...

Пролог

Хедин, Бог Равновесия

Я редко сижу на месте. Упорядоченное не знает покоя, а вместе с ним не знаю покоя и я сам. Подобно тому, как в тысячелетнем изгнании я жадно отыскивал новое знание, странствуя от полюса до полюса и в Хьёрварде, и в иных мирах, добираясь до логова Лунного Зверя, – так и сейчас Межреальность раскрывает предо мной свои тропы; но, увы, всё реже и реже я, Бог, могу странствовать по одной лишь собственной свободной воле.

И верно. Ведь мы с Ракотом всего лишь «пленники на невесть сколько тысячелетий, пока не появится некто, ещё более сильный или дерзкий, и не свергнет нас».

У меня вырвались эти слова, когда уже отгремела битва в Обетованном, пали Молодые Боги, и Дух Познания, явившийся нам подле источника Урд, великий Орлангур, провозгласил: «Вступайте во владение, о Новые Боги!»

Новые Боги. Новые. Боги. Слова эти накрепко засели у меня в голове на целые бездны времени. Боги. А Боги должны...

Кому должны? – спросил бы иной киник. И получил бы выпренный ответ, мол, должны самому Упорядоченному, раз уж «оно выбрало нас», должны всему множеству смерт-

ных, разумных и нет, расселившихся по множеству миров.

Потребовалась кровавая битва за Брандей, летающий остров, с корнями вырванный из плоти Хьёрварда и перенесённый его хозяевами, слугами Хаоса, в Межреальность, потребовалось потерять и вновь обрести Сигрлинн, мою Сигрлинн, чтобы понять одну простую вещь.

Бог должен лишь самому себе.

Парадокс?

Ничуть не бывало.

Большой соблазн умалить самоё себя, сказав: мол, мы лишь слуги Упорядоченного, воплощающие его волю, что-то вроде верховных жрецов. Всегда хочется переложить груз на чужие плечи, прикрыться ещё чьим-то именем, спрятаться за бронёй непреложных законов, клятв, присяг и долгов.

Но Бог потому и Бог, что присягает не он, а присягают ему. И нам, паре бывших Истинных Магов, инструменту, созданному Упорядоченным – или Творцом, – предстояло самим сделаться теми, кому присягнут. Боги не могут существовать одни. Закон Равновесия, что проявлял себя всё сильнее с каждой эпохой, ничего не запрещал и ничего не прощал. Сила Бога не может растрачиваться на так называемые мелочи.

Научи другого, а не сделай сам. Научи тех, кому вставать на пути разрушения, распада и Хаоса. Не говори о добре и зле, веди речь о сохранении сущего, а с добром и злом разумные разберутся сами.

Так появились мои подмастерья. Сами они называют себя моими учениками. Ученик же у меня только один – Хаген, последний из всех и формально давно Учеником быть переставший, но, пока бьётся его сердце, никого иного назвать Учеником я не в силах.

Однако задолго до того, как мы с Ракотом впервые сошлись лицом к лицу со Спасителем, до того, как вернулась Сигрлинн, пока ещё летел, рассекая простор Межреальности, мой тайный замок, погубленный Дальними¹, – мне довелось-таки постранствовать, как в былые времена.

...Выдалось затишье. Редкое, почти небывалое дело в позднейшем. Мы с Ракотом отбили козлоногих слуг Неназываемого; огляделись вокруг и – о чудо! Ничто не горело, нигде не рушились миры, и даже Спаситель куда-то скрылся, во всяком случае, в ближайших к Обетованному областях его не было, не появлялся Он и возле ключевых миров, миров, особенно важных для вечного сотворения всё новых и новых объёмов пустоты, нагого пространства, с незапамятных времён скармливаемого нами Неназываемому.

Нам не сиделось в тайных крепостях. Ракот, как обычно, лихо присвистнул, закинул на плечо исполинский двуручный меч и в излюбленном облике синеглазого и черноволосого силача-варвара направился на очередную битву с очередным злобным колдуном; я же просто покинул замок, шагая куда ноги несут и куда глаза глядят.

¹ См. роман «Война Мага. Конец Игры», часть 1.

Глаза глядели в дальние области, к самым рубежам Сущего и Хаоса; наверное, меня вела давняя вина, ведь когда-то, ещё до падения Ямерта и его родни, мне довелось почерпнуть сил у того поистине безбрежного океана, что омывает крошечный по сравнению с ним островок Упорядоченного.

...Здесь кончаются ровные и торные дороги Межреальности; разумеется, торные лишь для меня да ещё Ракота. Здесь нет устроенной тверди, здесь нет привычных нам миров со звёздами и светилами, с морями, горами и континентами. Здесь реальность кипит и плавится, здесь причудливо извивается сама Река Времени, и драконы, резвящиеся в её водах, становятся хищными, дикими и опасными. Сюда добирался когда-то, отыскивая союзников, Ракот, готовясь штурмовать само Обетованное, – в ту пору он звался ещё и Ракотом Восставшим, Повелителем Тьмы. Никого не нашёл и навсегда покинул эти негостеприимные места.

...Прошли зоны, и сюда вновь наведалься уже я сам. Одна из привилегий Нового Бога, Бога Равновесия, – сквозь Межреальность ты пробираешься куда быстрее, нежели в ипостаси Истинного Мага.

Остались позади обитаемые области, «упорядоченное Упорядоченного». Ветры магии возле границ сущего особенно сильны, и я понимал, почему именно тут, близко к границам, Ракот выбрал место для своей тёмной цитадели, в Нижних мирах, мирах, наиболее близких к Хаосу.

...Здесь могли подниматься исполинские башни, недоб-

ро глядящие окрест тысячами узких бойниц. Мириады зорких глаз могли неусыпно озирать окрестности, готовые поднять тревогу. Здесь на тысячи лиг могли тянуться зубчатые стены, возвышающиеся настолько высоко, что задери голову – никакого взора не хватит углядеть верхний край и боевые парапеты. Щели бездонных рвовпропастей рассекали подступы ко главным воротам и надвратным башням, и там, на страшной глубине, полыхали неугасимые костры. Отражение Больших Костров Ракота, разводимых перед его троном... Я помню всё это, я побывал на развалинах твердыни моего названного брата – но сейчас представил это всё здесь с особенной чёткостью и яркостью. Я ведь тоже мог отправиться по той же дорожке. Познавший Тьму разве может не последовать за её же Повелителем?

Я не последовал. Тогда я спас себя, как оказалось – и Ракота, хоть и далеко не сразу.

Но что случилось бы, выступи мы тогда вместе? Повелитель Тьмы и Познавший Её же?

И именно в тот миг, паря над кипящей огнями бездной, над колоссальным провалом в ткани Бытия, я впервые задумался, а что могло случиться, если б мы тогда объединились и победили. Тогда, без «воли Упорядоченного», без Великого Орлангура, так или иначе, но оказавшегося на нашей стороне? Что если бы мы взяли верх? И армии двух крепостей, двух твердынь, с двух сторон обрушившись на Обетованное, ворвались бы в цитадель Ямерта?

...Долгие столетия моего изгнания я не допускал никаких подобных мыслей. Приказал себе не думать и запретил думать. Я добывал знания, набирался горького опыта, зарабатывая шрамы с ожогами – как видимые, так и нет, я составлял план своей собственной войны, а чтобы было легче – заставил самого себя накрепко поверить, что, даже выступи я в союзе с Ракотом, нас ждало бы неминуемое поражение, и тогда, развоплощённых, со Дна Миров нас не выручил бы уже никто.

Нет, оспорил я себя – янынешний, паря над великой бездной.

Сигрлинн. Уничтожив мою Ночную Империю, она уверила весь Совет Поколения, не исключая и самого проницательного Мерлина. А через них – и Ямерта с компанией. Смирилась бы она с нашей карой? Сочла бы её справедливой? Или тоже затаилась бы, составляя хитроумные планы, пока б не выступила в свою очередь? И тогда бы *она*, не мы, услышала слова восьмизрачкового дракона: «Вступай во владение, о *Новая Богиня!*!» Хотя нет, мы бы, скорее всего, тоже удостоились титула, подобно тому, как стал Новым Богом освобождённый мною Ракот.

Но насколько б всё тогда обернулось по-иному! И Сигрлинн не оказалась бы в плену у брандейцев, и ей не пришлось бы вести долгую и отчаянную двойную игру, будучи частью Западной Тьмы Эвиала! И, наверно, не был бы призван Неназываемый...

Я поймал себя на том, что ни на миг не усомнился ни в самой Сигрлинн, в том, что она и впрямь пришла бы к нам на помощь, ни в том, что ей удалось бы одержать верх в противоборстве с Молодыми Богами. Вместо коричневокрылого сокола над Упорядоченным пронёсся бы феникс, сотканный из чистого пламени. Стало бы от этого лучше? Или хуже? Или всё осталось бы так же?

Но Сигрлинн тогда, в те времена, ещё не было с нами. Здесь смешиваются мои воспоминания с нынешними мыслями. Нынешними – когда уже отгремела битва за Эвиал, слились два мира и Ракот заполучил Ученика, впервые за невесть какую бездну времени. Нынешними – когда вернулась Сигрлинн.

Тогда ничего из помянутого выше ещё не случилось, и саму Сигрлинн я считал потерянной навсегда. И, наверное, оттого затопившие меня горечь пополам с болью я помню по-сейчас и едва ли когда-то забуду.

И вот бывшая твердыня Ракота позади, а подо мною раскинулась граница. Я приблизился к самому краю Сущего. Кипящее пространство внизу очень походило на опоясавшие логово Неназываемого огненные вервия, колоссальные, необозримые океаны новосотворённой пустоты, что ежесекундно гибли в ненасытной утробе вечного чудовища.

И, наверное, именно тогда я впервые подумал – а что если в один прекрасный день Источники магии иссякнут? Что если и Урд, и источник Мимира, и даже неистовый Кипящий

Котёл пересохнут, покажут дно? Нет, невозможно, немислимо, тотчас оборвал я себя; магия, её потоки и ветры даруют жизнь всему в Упорядоченном, они не могут ни утихнуть, ни исчезнуть. Они вечны и постоянны. То, что остановит их, прекратит и существование всего живого в обитаемой Ойкумене.

...Я отогнал недобрые помыслы. Забота Бога – беспокоиться обо всём, даже о невообразимом. Буйство стихии, ярость материи, не знавшей властных рук Древних Богов, заворачивали; быть может, именно тогда я стал чуть лучше понимать поклонявшихся Хаосу: не всех их манили лишь обещаемые им сила, власть, могущество или богатство. Кто-то следовал и просто за необузданной красотой, хотя таких, конечно же, было ничтожное меньшинство.

Исполинский протуберанец, золотисто-оранжевый, весь из холодного пламени, выметнулся на тысячи лиг у меня под ногами, словно язык жадного и вечно голодного чудовища облизывал всё вокруг в поисках добычи. Насколько мог окинуть глаз – и простой, и божественный, – простирались океаны неоформленной, невоплощённой материи. Магия водопадом обрушивалась на складки Сущего, заставляя грубую тварную плоть Упорядоченного светиться и пылать, не рождая жара, многоцветным ледяным огнём.

Заворожённый, я стоял – хотя правильнее будет сказать «висел», – не в силах оторвать взгляд от первозданного буйства стихии. Казалось, лишь мгновения протекли с того мо-

мента, как Творец развёл незримые ладони, и во всём Упорядоченном до сих пор бушует изначальный огненный шторм, где в безумии пламени гибнут остатки Хаоса, и рождается новое, новая ткань бытия, что впоследствии сделается мирами и Межреальностью.

Упорядоченное не застыло, оно не неизменно. Есть в нём до сих пор кипящие первозданной силой и нерастраченною мощью области, где первобытная магия бьётся в стены незримой клетки, готовая излиться в Хаос, отбросить его ещё дальше от обитаемых пределов.

Наверное, в тот самый момент я воочию представил себе, как скопленная Упорядоченным сила прорывается в безбрежный Хаос, сметает возведённые преграды, преобразая первозданную ткань сущего, сотворяя на её месте... что?

Ведь именно так, замерев, думал я, растекались по Хаосу огненные волны первого мига творения. Им не было преград, и сами лорды Хаоса бежали – в ужасе, если только они способны испытывать ужас. Пылающая сила, огонь Творца, один-единственный ослепительный миг, когда Он создал Упорядоченное – и на эоны времени Хаос отступил. Отступил, проиграв битву, но в надежде выиграть войну, вернув утраченное обратно в своё бездонное лоно. Ни зачем, ни для чего, просто потому, что такова его природа. Таковы его повелители, которых никто и никогда не видел.

Так я стоял долго, замороженный открывшимся. Упорядоченное всё ещё молодо, думал я. Оно способно изменяться,

способно преобразжать не только себя, но и окрестный Хаос. Оно выстоит, выдержит – если только не окажется подточено гнилью изнутри.

А гниль испокон веку выжигали огнём. Первозданным.
«Повелитель Хедин».

Негромкий и спокойный голос, возникший в сознании, заставил срочно свивать в тугую глобулу вокруг себя вольные потоки магии. Никто не знал, что я здесь. Никто не мог подобраться ко мне незамеченным, а если смог – плохо моё дело.

Вокруг – никого, одно лишь буйство исходной стихии.

«Повелитель Хедин позволит приблизиться?»

Звучал язык моего Поколения, язык Истинных Магов, на котором говорили наши учителя и наставники.

«Кто вы?»

Я искал. Спирали силы стремительно разворачивались, пронзая видимое и невидимое, проникая в потайные складки Межреальности; Истинный Маг Хедин, наверное, никого бы не обнаружил, но Бог Равновесия Хедин – увидел.

Семь призрачных фигур, отдалённо напоминавших человеческие. Они существовали и здесь, и там, и в вещественном мире, и в пространстве духов; мне ещё никогда не попадалось ничего подобного.

«Мы просто живём здесь, – последовал ответ. – И очень, очень давно не видали в наших пределах никого, подобного тебе».

«Откуда вам известно моё имя?»

«Всё Упорядоченное знает тебя, о Новый Бог. Оно само назвало нам тебя».

«Кто вы?» – повторил я.

«Мы те, кто есть, – терпеливо ответили мне. – Немногие, кому ведомо о нашем существовании, зовут нас ангелами огня. У нас нет иных слов для самих себя. Мы обитаем здесь, в первозданном пламени. В месте, что хранит память о руках и разуме Творца. Мы помним первые мгновения мира. И, когда настанут его последние мгновения, мы примем его предсмертный вздох».

«Зачем? – резко спросил я. – Если исчезнет Упорядоченное, кому важны его “предсмертные вздохи”?»

«Тому, что придёт на смену», – последовал невозмутимый ответ.

«Что же может прийти на смену?»

«Мы не знаем. Но верим, что придёт, иначе всё существование лишено смысла, а Творец не мог не вкладывать смысл в наше бытие».

Про себя я подумал, что смысл в наше бытие мы вкладываем исключительно сами, но «вслух» ничего не «сказал».

«Мы здесь, чтобы поклониться тебе, повелитель Хедин».

«Поклониться? Зачем? Во-первых, вы впервые меня видите, а вовторых, поклонение чуждо и мне, и моему названному брату».

«Пламя несёт вести быстро. О случившемся мы узнаём почти сразу. Твои деяния поистине вызвали нашу призна-

тельность. Мы не кланяемся, унижая себя. Мы кланяемся, выказывая уважение».

«Я польщён».

«Есть многое в Упорядоченном, повелитель Хедин, что способно удивить даже тебя».

«Я никогда не претендовал на всезнание».

«Вот поэтому-то мы и решили представиться тебе».

«Благодарю. Но...»

«А теперь мы уйдём, повелитель Хедин».

«Постойте!»

«Мы встретимся, повелитель Хедин».

Одиночество. Мои собеседники растворились, ушли из реальности – словно их тут никогда и не было.

Кто они? Иные, не призраки и не духи, не существа из плоти и крови. Обитатели изначальной стихии, островка первичного Упорядоченного, быть может, самые древние его жители.

Я не успел расспросить их ни о чём – они ушли безмолвно, как и многие другие, почти всемогущие в строго отмеренных им пределах. Создавшие свой «тихий» мирок – или пространство, но отгородившиеся от прочего, отказавшиеся от деяний в Упорядоченном, избравшие стезю «хранителей» не совсем понятно чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.